

Книги вразнос. Что у нас переводят. И как

[280]

ил 8/2021

Экспресс-рецензии Даши Сиротинской

Эмили Раскович *Айдахо*. Перевод с английского Светланы Арестовой. — М.: Фантом Пресс, 2021

Я вот все думаю, что случилось с литературой. На этот раз я даже не в смысле погундеть насчет “вода мокрее и сахар слаще”, а из самого настоящего искреннего интереса. Вот у нас есть роман “Айдахо”, получивший международную Дублинскую премию за 2019 год и обогнавший при этом “Линкольна в бардо” Джорджа Сондерса и “Разговоры с друзьями” Салли Руни. Роман этот совершенно явственно неплохой (и по-русски тоже исполнен “с душой”), но, именно читая его, я особенно ясно почувствовала: природа литературы изменилась настолько, что это уже какое-то совсем другое существо. Ощущения интересные. Наверное, как когда близкий в прошлом человек вдруг начинает жить необратимо новой жизнью: вступает в брак, уезжает в другую страну или сходит с ума. Итак, молодая учительница музыки Энн выходит замуж и (нежный шлейф “Ребекки”) начинает все глубже погружаться в трагическую историю прошлого брака своего мужа. Порой она даже рада бы выбра-

сить все это из головы, но остановиться уже не может. Повествование мечется, фокусируясь то на одном герое, то на другом; периодически подсаживаются новые пассажиры, каждый со своей драмой, и подсовывают нам ключи к пониманию старых; без бодрой чехарды флэшбеков — тоже никуда. Как говорится в подборках кино на вечер, отличный способ сократить пару часов. При чем тут киноподборки? А притом, что это и есть не литература, а кино. Современные писатели пишут не книги, а кино! Будто в головах у них изначально сидит мысль, что потом обязательно будет экранизация. И критики, читая, думают: вот из этого выйдет самый крутой фильм, а значит — даем первую премию! И как будто никто не замечает, что у текста теперь другой химический состав, и происходит это будто бы даже против воли автора, который уже и не представляет, что может быть иначе. Мельчайшие частицы образов сливаются во все более громоздкие глянцевые монолиты кинематографических клише. И так — даже самый лучший текст. Ведь “Айдахо” с его высоковольтным лиризмом, пышностью деталей и действительно потрясающей главой, где

страдающий деменцией отец главного героя пытается вспомнить, который из домов в поселке его, — и впрямь выше на голову очень многих нынешних книг. И все же сегодня меня этот пресловутый слезоточивый кинематографизм впервые испугал не на шутку. Ведь ни в чем люди так не схожи, как в зрительном восприятии. И если книги теперь предназначаются “для глаз” — не пора ли обзавестись одной парой на всех?

МИКАЕЛЬ НИЕМИ *Дамба*.
Перевод со шведского Сергея Штерна. — М.: Фантом Пресс, 2021

Так уж я расхваливала Ниemi за “Сварить медведя” — ну как было не ухватиться за новый роман? И могу сказать сразу и в лоб: по-моему, это очень плохо. И это не то “плохо”, когда на писателя злишься, а то, когда его очень жалко. Неужели же ему в самом деле казалось, что в задуманной им притче закрутится хоть одна шестеренка? Ну вы подумайте сами: нам предлагается пережить вместе с героями Всемирный потоп номер такой-то. Героев величайшее множество, и каждый охарактеризован какой-нибудь навязчивой идеей; среди них есть любитель автомобилей, любитель вертолетов, беременная женщина, озлобленная женщина, влюбленная женщина, Очень Плохой Человек, у которого была мама-пьяница и который поэтому теперь насилует и убивает

всех подряд. Я все понимаю, у нас притча, все должно быть максимально схематично. Сюжет: все персонажи в какой-то момент видят на горизонте надвигающееся на них цунами и реагируют на это в соответствии со своими навязчивыми идеями. Стоит ли пояснять, что у нас опять кино, вроде как фильм-катастрофа. На такое люди обычно идут поглазеть с удовольствием. Ниemi пытается препятствовать пожиранию попкорна цитатами из Книги Бытия: стоп, ребята, у нас тут серьезная философская аллегория! А вот нет же, не работает. Читать невероятно скучно, мужество героев не вдохновляет, отчаяние не леденит кровь; мотив темного ужаса, притаившегося за бытовухой, замусоливается до дыр, хотя он-то и есть самое жуткое и самое правдивое во всех подобных историях. Мы отсматриваем какую-то нарезку неудачных финалов голливудских блокбастеров и практически везде, что предсказуемо, получаем хэппи-энды. То есть на Швецию обрушилось смертоносное наводнение, гигантская волна смела в Ботнический залив целые города — и именно наши герои волшебным образом спаслись, а кто-то даже умудрился забеременеть в этом дурдоме! В общем, остается только руками разводиться. Правда, тот Ниemi, который так меня тронул, Ниemi, с благоговением писавший о родной природе и саамских обычаях, есть и тут, и замечательный переводчик Сергей Штерн, по-мо-

ему, радуется ему не меньше моего. И эти коротенькие фрагменты — крохотные островки, на которых только и можно по-настоящему спастись от прорвавшего плотину взбесившегося китча.

Эрин МОРГЕНШТЕРН *Беззвездное море*. Перевод с английского Эвелины Меленевской. — М.: Corpus, 2021

А помните, какая она была модная лет эдак шесть назад, эта самая Эрин Моргенштерн с покорившим всех романом “Ночной цирк”, напиханным неестественными грамматическими конструкциями так, что от них сыпь шла, как будто объелся сладостями? Вот и подоспело следующее кондитерское изделие от молодой американской писательницы. Как и в “Ночном цирке”, здесь есть некое теневое пространство, где пересекаются реальность и волшебство, только теперь это не цирковой шатер, а некая древняя библиотека, в которой хранятся все на свете истории, в чем бы они ни были выражены — в словах, на холсте, или, может, их вообще связали на спицах. Там каждый герой ищет разгадку собственной судьбы. Есть там, конечно, секретные знаки, таинственные незнакомцы, посвященные в неведомое, и прочие околосамоуничтожающие штуковины. Эдакая борхесовская библиотека, превращенная в модное антикафе с подушками на подоконниках и мятно-клубничным смузи по 99 рублей. Все, как обычно, завязано на обрыв-

ках невнятных детских воспоминаний, загадочных обмолвках — короче говоря, примерно половину книги вы не будете понимать вообще ничего, а потом вдруг все “сплетется в дивный узор”, и вы испытаете по этому поводу вялое облегчение. Казалось бы, ну чего цепляться, книжка в общем-то скорее подростковая, ну кто из серьезных людей ее будет читать? А я вот думаю: всевозможный магический реализм с его ходульностью, с невнятной символикой, с персонажами будто бы из настольных игр или из колоды Таро (Пираты, Служители, Маги, Гадалки, Девушки и т. д.) — вся вот такая дребедень — это по крайней мере честно. Это то, чего многие из нас хотят на самом деле. Не хочу я чернуху, а хочу в сказку, пусть в плохонькую, но в фантазию, — а раз уж и про хоббитов, и про Хогвартс все уже выучено наизусть, так мы бросимся к той же Эрин Моргенштерн и превознесем ее до небес. Понимаете, подобного рода литература — самая настоящая наркота, и на нее посажена львиная доля человечества. И рады до слез будут любому автору, который сочинит что-то, чему нельзя привычно подпеть с первых же нот. Поэтому и переводить такие книги можно вполсилы. Видно же, что переводческие огрехи вроде “сберечь воду от расплескивания” или “дать глазам отдохнуть на бумаге” — едва слышные фальшивые ноты — это просто небрежность, поспешность, “и так сойдет”. Наверное, всякие литературные снобы ворчали на тот же мотив во все времена, но беда-то в том, что и им теперь особо некуда податься.